

Matyušová, Zdeňka

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

Новая русистика. 2012, vol. 5, iss. 1, pp. [37]-45

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/125495>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Зденька МАТЬІУШОВА
(Ческе Будейовице)

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

Human and Artistic Message of Viktor Astafjev

The study reflects on a contemporary Russian writer, Victor Astafyev, whose prose has not only been an important constituent part of Russian literature, but also has retained to this day its artistic power. Astafyev's works typically employ a lyrical approach. The study deals with genealogical issues and specific methods in the prosaic work of Victor Astafyev. This is best seen in his books of prose *The Last Tribute* (1957–1977), *Shepherd and Shepherdess. A Modern Pastoral* (1967–1974) and *Czar-Fish* (1972–1975).

The writing activities of Viktor Astafjev have always represented and always will represent an extraordinary phenomenon especially in the literary processes of the 60's–90's of the 20th century. He was an author whose work is not only dormant present in the development of the Russian literature as a whole, but it has also played, in a certain sense, an active role in the complex development of the society.

Key Words: Viktor Astafyev; Russian literature of the 60's–90's of the 20th century

Все творчество русского писателя Виктора Астафьева является доказательством неустанного поиска ответов на вопросы, какими издавна задается человек: что я? И кто я? И в тесной связи с этим искусство и культура вопрошают: Чем мы являемся? И зачем мы вообще существуем?

Человек как величайшая тайна для науки, человек и его творческая саморефлексия, человек как предмет искусства, бесспорно, стал в XXI веке объектом и центром координированных комплексных исследований. Это даже неизбежно для того, чтобы получить ответы на извечные вопросы человечества, над которыми неоднократно задумывался и Андрей Червеняк: «*Откуда происходит человек, куда он идет и какое послание приносит он с собой.*» (перев. З. М.)¹

В настоящее время мы являемся очевидцами и активными участниками взаимопроникновения различных духовных культур разных народов и цивилизаций. Понять и принять их – это значит обогатиться ими, развить свою идентичность, быть самим собой. Если же духовные культуры не обновляются, не формируются и не оживляются, то в дальнейшем они увядают и полностью исчезают. Только живая, неслабеющая культура позволяет и помогает человеку находить смысл личного послания и собственного исторического существования.

Посредством идейно-эстетической сущности своей художественной деятельности Виктор Астафьев буквально излучает и передает эстетическо-духовную энергию и таким образом вдохновляет всех и каждого, кто чувствует присутствие истории не только в сегодняшнем дне, но и в днях последующих. Поскольку уважение к прошлому означает надежду в будущем.

Русский писатель *Виктор Астафьев* (1924–2001) вошел в литературу как выразительный представитель так наз. деревенской прозы, т. е. прозы с тематикой, посвященной деревне. Официальная литература тогдашнего нормативного периода ценила и ставила на первое место жанры, изображавшие так наз. героя, который был по своей сути активной социальной личностью. С точки зрения жанра предпочтение отдавалось, прежде всего, социальному, созидательному, воспитательному романам, а также аналогичным малым формам (новелла, рассказ, очерк и т. д.), которые изображали программную действительность. И наоборот, такие жанры, как рефлексия, послание, письмо, лирическое стихотворение, импрессионистские жанровые картинки и другие жанры, отражающие индивидуальные, часто иррациональные и таинственные ощущения лирического героя, были отодвинуты на задний план.

Виктор Астафьев ставит в центр своего творчества не социального организатора в приведенном выше смысле, а человека, который в контакте с природой и космосом получает незаурядные стимулы для своей духовной жизни. В связи с этим нельзя не вспомнить мысль Андрея Червеняка о трихотомической, или же триадической концепции человека – человек как природная индивидуальность, человек как социальное существо и человек как духовная личность. «*Человек ... это продукт универсального закона косми-*

¹ ČERVENĀK, A.: Dostojevského sny. Pezinok 1999, s. 16.

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

ческой эволюции и трансценденции. Он (до сих пор) является высшей степенью эволюции космоса.» (перев. З. М.)²

Виктор Астафьев является филигранным мастером малых по структуре эпических форм (рассказ, новелла), которые в дальнейшем на большем пространстве (роман) раскрываются, расширяются и включают в себя новые сюжетные линии. Уже в его раннем творчестве возникает проза с серьезным художественным посланием, сила и острота которого вышли за рамки одного произведения и стали импульсом к цикличному творчеству. Доказательством этого является, прежде всего, повесть *«Последний поклон»* (1957–1977), композиционная законченность и эстетическое совершенство которой основаны на двух элементах: на удивительно чистом характере бабушки и на безграничном обаянии самого рассказчика, который как участник событий везде присутствует и все глубоко переживает.

Достойна удивления память Астафьева, восприимчивость и точность деталей, юмор, эмоциональность, искренность и открытость, с которыми он вспоминает о своем детстве. Эти реминисценции являются источником творчества, в котором он хочет окружить человека добротой и красотой, искать вечность в ежедневной жизни.

Эта повесть Виктора Астафьева, с одной стороны, выделяется глубиной психологического анализа, а с другой стороны, – определенным драматическим напряжением. Описания занимают в ней минимум места, преобладают характеристики состояний души, диалоги и внутренние монологи. В *«Последнем поклоне»* калейдоскопическое построение: повествование не развивается в точной хронологической последовательности и взаимосвязанности места; сюжет наполнен дигрессиями, вводными словами; он прерывается, являясь как будто разорванным; автор быстро перемещается с места на место, осуществляет сдвиг в человеческой памяти, а развязку истории оставляет на самый конец. Книга не перегружена сложными сюжетными конструкциями, отдельные главы автономны, представляют собой самостоятельные законченные истории.

Этим произведением Астафьев создает своеобразную романную мозаику спиралевидно развивающихся историй. По сути, речь идет о спирали тематических возвращений к основополагающим мотивам автора (детство, отчий дом, природа). Отдельные рассказы обладают выразительной лирической позицией, их характер позволяет писателю применить свое субъективное отношение к разрабатываемому сюжету. При более глубоком наблюдении в *«Последнем поклоне»* обнаруживается единство авторского взгляда, умение создать широкое композиционное построение, подчинение отдельных деталей концепции целого и другие пластические моменты, которые еще точнее и выразительнее прозаик развил в композиционном построении своих более

² ČERVENĀK, A.: Začiatky a konce. Bratislava 2002, s. 31.

поздних произведений (лапидарность выражений, наполненная смыслом суть, тяга к сокращению, максимальная информативность и т. п.).

В построении отдельных новелл при этом проявляются градационные тенденции, которые создают упомянутую калейдоскопическую головоломку, сюжетом и персонажами объединенную в цельную романную форму; причем сюжетные центры складываются вокруг двух центральных персонажей – мальчика Вити и его бабушки. Внутренняя градация *«Последнего поклона»* достигает вершины в заключительной части последней главы, которая по звучанию идей и эмоций не только подтверждает, но и по-своему превосходит смысловой сюжет произведения (смысл человеческого бытия, воскрешение памяти, бесконечность и вечность жизни). Творец в *«Последнем поклоне»* стремится к основополагающим и несокрушимым ценностям человека, к его духовной сущности, усиленной искренней истинностью и прозрачной чистотой личных жизненных переживаний.

Виктор Астафьев своим лиризмом, эпическим образотворчеством и испытывающей душу фантазией постиг типичные человеческие черты, тайну бытия и судьбы, богатство внутренней жизни человека, скрытое в трепете души, чувствах и мечтах. *«Последний поклон»*, бесспорно, – самое проработанное произведение, в котором наиболее выразительно проявили себя направление и обзор его видения, темперамент и лирическая натура, для развития которой силой и кристаллизатором послужили импульсы, возникшие в самых глубинах мышления художника. В этом прозаическом произведении одновременно развивается обусловленный личностью авторский стилиевой профиль, анализу которого необходимо было бы посвятить отдельное исследование. Виктор Астафьев подтвердил, что по своему складу он лирик со склонностью к спокойной идиллии и тихой меланхолии, но обладает и способностями к эпике с крепким драматичным выражением. Со свойственным ему лиризмом он способен превратить образ описываемой действительности в размышление о былом и настоящем.

Содержательность и совершенство композиции позволяют Астафьеву разместить всего лишь на нескольких страницах текста обширный материал, через характеры персонажей проникнуть в сущность и представить взгляды и атмосферу переломного военного времени. Существенным принципом так наз. философского жанра является взаимосвязь между настоящим и прошлым. У Астафьева, к тому же, прибавляется и личная, субъективная мотивировка, направленная на литературное оформление познаваемой действительности. И именно таким является композиционное построение произведения *«Пастух и пастушка. Современная пастораль»* (1957–1974), в котором прошлое и настоящее составляют одно компактное целое.

Так же, как и в драме *«Прости меня»* (1980), написанной по мотивам новеллы *«Когда падают звезды»* (1960), здесь на переднем плане повествова-

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

ние философского характера с личностным восприятием категории времени, крайним обобщением образов, выделением элементов притчи и символов. Новеллу, основная часть которой посвящена войне, обрамляют символические сцены – образы:

а) в прологе и в эпилоге, звучащих, как реквием, изображена женщина – горестная Скорбь, склонившаяся над могилой: *«Скорбно шелестели немощные травы... Она... прижалась лицом к могиле и ощутила лицом еще вовсе не отъмытую плоть земли... Думала. Вспоминала...»*³

б) в сознании лейтенанта Костяева возникает некое апокалипсическое видение: *«Огромный человек, шевеля огромной тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, летел на огненных крыльях к окопу, крушил все на своем пути железным ломом... Казалось, это пророк небесный с карающим копьем низвергся на землю, чтобы наказать за варварство людей.»*⁴

*«Борис завопил... выпростался из снега... Его обдало пламенем и снегом, ударило в лицо комками земли, забило все еще вопящий рот землею...»*⁵

Не случайно, что Астафьев использует в потрясающей боевой сцене стародавнее сравнение поля боя с полем крестьянским, когда *«медленно, метр за метром, прогрызал землю, запахивал траншею, укрывая пашенным пластом не злаки, не зерна, а рассеянные по дну окопа человеческие тела... – Постой!... Я тебя... Лейтенант бросал себя за танком, который... гребся в снегу, натываясь на раздавленных, еще теплых людей.»*⁶

В этом произведении Астафьева, таким образом, повторно оживает стародавняя символика, которая, как золотая нить, переплетена в *«Слове о полку Игоревом»*, *«Повести о битве на реке Калке»*, *«Слове Серапина Владимирского»*, *«Задонщине»*, *«Повестях о битве на Куликовом поле»* и в других произведениях древнерусской литературы, в которых она играет лишь так наз. «демонстративную» функцию.

Деление новеллы *«Пастух и пастушка. Современная пастораль»* является выражением новаторского подхода и достойной удивления композиционной меткости, проявляющейся в совершенной пропорциональной проработанности всех составляющих и в использовании основы музыкального характера – см. подробнее в книге⁷. Здесь доминирует тенденция к композиционной законченности и сбалансированности, к единому представлению

³ АСТАФЬЕВ, В.: Пастух и пастушка. In: *Собрание сочинений в 4-х томах*. Москва 1979, т. 1, s. 301–302.

⁴ IBIDEM, s. 306.

⁵ IBIDEM, s. 309.

⁶ IBIDEM, s. 308–309.

⁷ MATYUŠOVÁ, Z.: *Cestou k člověku (Viktor Astafjev a jeho doba)*. Nitra 2003, s. 112–113.

и звучанию, к сосредоточенности отдельных частей в неповторимое, музыкальное по характеру, целое.

Виктор Астафьев-прозаик видит (современная ему действительность) и вспоминает (ретроспекция), его восприятие – визуальное и акустическое. Так что новеллу «*Пастух и пастушка*» мы воспринимаем двумя физическими чувствами – зрением и слухом, точнее, зрительной и слуховой фантазией. На этой базе он не только придумывает, но и намеренно строит произведение: тем самым его проза становится как будто двухслойной – слой представлений (визуальный) переплетается со слоем внутренним (музыкальным) с акцентом на выразительную сторону, причем так, чтобы не перекрывать тему.

Более того – пастораль всегда посвящена любви и верности. Виктор Астафьев, таким образом, с ясным намерением настоящего призыва определил жанр своего произведения, и так же, как это свойственно пасторали, его история заканчивается с определенным налетом сентиментальности: «... *Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро. Совсем скоро мы будем вместе... Там уж никто не в силах разлучить нас.*»⁸

Одновременно с этим уже в прологе мы находим слова, которые эту сентиментальность по-своему нарушают: «*Рядом с ее лицом качалась... немощная травинка. Все бури мира, все буйство земли вобрала она в себя, утишила их собою, боязно храня в бледной луковке корешка, стиснутого землю, надежды на пробуждение свое и наше.*»⁹

Новелла «*Пастух и пастушка. Современная пастораль*» была одним из первых аналитических прозаических произведений такого рода. И снова надо подчеркнуть, что пастораль на заднем плане и прямо в боевом пылу является новаторским открытием Виктора Астафьева! Он изображает войну как состояние мирового пространства, говорит о ней обыкновенно и просто, так же, как он до этого рассказывал о своем детстве. Писатель не разбирает характер в готовом виде, он ищет его корни, старается определить его естественную сущность. Для него характер всегда несет в себе вопрос: почему человек стал именно таким, а не иным? Поэтому его Борис Костяев вспоминает о прежней жизни и моментах, которые сохранились в его памяти и которые теперь, в наиболее болезненной для него ситуации выбора, с невероятной силой и точностью проявляются и оживают. Да и само название новеллы по этой причине красноречиво и симптоматично.

«*Мне иногда пишут и говорят, что война, изображаемая мною, – 'неправильная', не похожая на войну тех, кто сражался на ней в ста километрах от передовой. А она очень разнообразна, между прочим, не только за сто, она уже и в километре иная..., чем на передовой. Там люди убивали людей –*

⁸ IBIDEM, s. 439.

⁹ IBIDEM, s. 302.

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

это страшно, это античеловечно. Это противу разума и рассудка – кровь, озрение, тупая работа, полужизнь, полусуществование в земной, часто сырой траншее.»¹⁰

Несомненно и нравственное послание этого произведения, а именно как с личной точки зрения автора, который сохраняет в себе сильный фонд чувств, направленный против насилия к защите человека, так и с обобщенной точки зрения, когда произведение в общем понимании переходит в анти-военный апофеоз.

Форма новеллы «*Пастух и пастушка*» – особенная, новая и абсолютно не похожая на произведения, созданные автором до этого. Несмотря на это, она внутренне связана с его предыдущим композиционно-стилистическим поиском, с концентрацией выразительных средств (их спецификация не является предметом данной работы) в целях обобщения в широком смысле этого слова, когда реальные образы перерастают в символы или обретают определенную таинственность пока еще не обнаруженных и не познанных явлений.

Эта особенность художественного почерка Астафьева уже смутно проявилась в «*Стародубе*» (1959), а в новелле «*Пастух и пастушка*» – преобладает. Стоит напомнить, что автор закономерно растет от «*Стародуба*» к «*Краже*» (1965), которая в определенном смысле является синтезом – повествование ведется в третьем лице, ослабевают автобиографические элементы. Образ героя новеллы «*Пастух и пастушка*» выросал постепенно, на базе целой плеяды характеров предыдущих произведений Астафьева. Другими структурными особенностями этой новеллы являются локальность сюжета, ограниченный круг персонажей и краткий временной диапазон изображаемых событий.

Всемирно известный роман Астафьева «*Царь-рыба*» (1972–1975) является выдающимся произведением с особой жанровой формой – повествование в рассказах. Цикл делится на две части, содержит двенадцать прозаических произведений различных жанровых направлений (так же, как и в книге «*Последний поклон*»). Создатель искусно их переплетает, связывая одну историю с другой, при этом отдельные эпизоды объединяет лирический герой. Им является образ самого автора, который обычные случаи усиливает своим поэтическим взглядом, за всем наблюдает, все комментирует и оценивает.

Астафьев снова исходит из собственного жизненного опыта (частое использование в повествовании первого лица, абсолютная открытость при воспоминаниях, прямолинейные и реалистичные портреты селян енисейских деревень, современных нам, а частично и послевоенных лет), но постепенно он приходит к выразительной самоустраненности и философскому обобщению. Отдельные рассказы книги связаны двумя основными элементами:

а) авторским по-человечески мудрым взглядом на мир,

¹⁰ АСТАФЬЕВ, В.: Военные страницы. Москва 1986, s. 4.

б) местом действия, т. е. родным краем Астафьева (детский дом в Игарке, река Енисей, сибирская тайга, селение Чушь).

Главными героями произведения являются природа, человек и – в настоящее время невероятно актуальная, насущная и наболевшая проблема – их существование. Астафьев гармонизирует творения природы с творениями рук человеческих и чутко реагирует на нечувствительность людей по отношению к жизни вокруг них. Он ищет ответ на вопрос, как во все более совершенном цивилизованном мире не нарушить, а сохранить всечеловеческие нравственные ценности.

*«Переменилась моя родная Сибирь. Все течет, все изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.»*¹¹

Главным идейным содержанием всего произведения является социально-экологическая проблематика в тесной связи с внутренним миром человека. Здесь звучит внутренняя обеспокоенность автора судьбами природы и ее жителей, поскольку в природе он ищет источники духовной жизни. Несомненно, что Виктор Астафьев стремится к духовному синтезу и представляет единый образ всей жизни. Вся проблематика сосредотачивается на жизни человеческого индивидуума, и в сочетании с этим направлением в его прозе выразительно проявляется чувствительность к объективной многозначной действительности, среди которой находится человек. Творчество Астафьева антропоцентрично – именно человек является единицей измерения всех вещей и явлений. Его всеприсутствие переплетается с окружающим миром, землей, природой и космосом. Действия одного человека затрагивают другого, влияют на него и постигают его.

Очевидно, что тематику, содержащую в себе не только насущную действительность, но и метафоричное обобщение и типизацию судьбы человека определенного периода, Виктор Астафьев разрабатывает с трезвостью, бережливостью и отсутствием вычурности, при этом с идейной оригинальностью и глубоким внутренним гуманизмом. Его писательская деятельность была и остается замечательным явлением, прежде всего, в литературном процессе 60–90-х гг. XX в. Он был автором, творчество которого не только скрыто присутствует в развитии русской литературы как целого, но играло и играет до сих пор в определенном смысле активную роль в комплексном развитии общества.

Использованная литература:

Астафьев, В.: Собрание сочинений в четырех томах. Москва 1979–1981.

Астафьев, В.: Собрание сочинений в шести томах. Москва 1991.

Červeňák, A.: Človek v literatúre. Bratislava 1986.

¹¹ АСТАФЬЕВ, В.: Царь-рыба. In: Собрание сочинений в 4-х томах. Москва 1981, т. 4, с. 390.

Человеческое и художественное послание Виктора Астафьева

Červeňák, A.: Človek v texte. Nitra 2002.

Ланциков, А. П.: Виктор Астафьев. Москва 1975.

Matyušová, Z.: Cestou k člověku (Viktor Astafjev a jeho doba). Nitra 2003.

Pospíšil, I.: Ruský román znovu navštívený. Brno 2005.

